

Первый и единственный

«Ректор-основатель вуза» – непривычный, но официальный статус Владимира Бабенко: в 1980-х он создавал Екатеринбургский театральный институт, в форс-мажорных обстоятельствах защитил его и возглавляет до сих пор

Ирина КЛЕПИКОВА

Дом и хозяйин узнаются с порога. В театральном институте это ощущаешь буквально. Едва открыла дверь – доброжелательное «здрасьте». Через пару шагов – снова. На лестнице – «здрасьте», в холле – «здрасьте». Все, натурально все (!) попадавшиеся на встречу студенты здоровались. Слово знали: иду к их ректору на интервью. Но ведь не знали же! Я для них – абсолютно «чужая тетя». Откуда же эта невероятная для нашего времени вежливость, на какую в иных местах и намёка нет. Вот и первый – незапланированный! – вопрос ректору.

– У нас как-то гостила группа педагогов из Штутгарта, – рассказывает Владимир Гаврилович, – так вот и их это поразило больше всего. В Европе, если вносить студенту особую почтеннее к преподавателю, это считается оскорблением. Могу и в суд подать. Вот немцы и спрашивают: «Вы их заставляете?». А у нас это традиция. Ею никто не управляет. В приёмной комиссии абитуриентам, которые ещё не знают, поступят они или нет, студенты уже говорят об этом. И абитуриенты, кстати, легко это «здрасьте» усваивают.

– Живучесть традиции как-то объясняете себе?

– У нас ведь студенты работают «глаза в глаза». Без собственной открытости к другому человеку – нельзя. Надо чувствовать партнёра, его энергетку, точно ответить на реплику. Поэтому, кстати, совершенно невозможны у нас алкоголизм и наркомания. Глаза выдают. Сам студент скажет тебе: «Ты чего это?». В этом смысле наш институт – самоочищающаяся среда. Во всех театральных вузах – тогда монастырь. Это потому, когда они станут артистами, возможны и любовь, и загулы, во время учёбы – исключено. И когда нас привлекают к тестированию, например, на наркотики – только плечами пожимаю. Повторю: у нас этого не может быть!

– Зато пришла беда – откуда не ждали. Я – о попытке «центра» закрыть институт. Мы со стороны и то с треском переживали. А как это было ректору?

– Я так понимаю: планировалось сокращение вузов по каждой отрасли. В России – семь федеральных театральных вузов: четыре в Москве, один в Питере, а ещё – в Ярославле и Екатеринбурге. Было ясно: Москва и Питер себя в обиду не дадут – значит, удар придётся по провинции. Вне зависимости от показателей. Вне зависимости от показателей. Вне зависимости от показателей. Вне зависимости от показателей. Вне зависимости от показателей.

– Был момент, когда казалось: институт, который основывали, можете потерять?

– Был. Раз решение возникло, его стали мотивировать: «Почему балл ЕГЭ низкий?», «Работает ли Учебный театр?». Уже по этим вопросам я понял: человек, курирующий «оптимизацию», мягко говоря, не в курсе. В какой-то момент я даже сказал: «Если вы клиенте к тому, чтобы я покинул место ректора, дайте мне встану и уйду...». И тут слышу: «Погодите. Не отходите от телефона. Буду советовать». Я ждал минут 20. Снова – звонок: «Хочу лично со всем ознакомиться...». Шлите по моему прямому факсу всю отчётность института: ревизию, выпуск, трудоустройство... «Так это же будет идти часами», – говорю я. «Ничего, перегоняйте...».

– Что испугали?

– Просто удивились...

– Ну и выдержка у вас! Я слушаю – и то мурашки...

– Мурашки ещё будут. С «ликвидацией» всё, к счастью, закончилось. Звоню в Москву губернатора, подержалка интеллигенции, СМИ – всё вместе сыграло свою роль. Но 1 сентября вступает в силу закон «Об образовании в РФ». Будет новая проверка, новый мониторинг, новые вопросы. Например – связь вуза

со школами региона: цифры, эффективность. То есть как институт участвует в эстетическом образовании. Принципиально я – за. Но смущает противоречие: предписано загружать педагогов с утра до вечера (вплоть до того, что советуют заводить журналы явки!). Но при этом настоятельное требование – «идти в народ», ехать в регион. Как согласовать одно с другим?

Далее – трудоустройство как фактор эффективности вуза. Опять – категорическое требование: создайте центр трудоустройства. Может, где-то это и оправданно, но мы, например, в этом году выпустили группу артистов мюзикла – 15 человек. Да за ними ходят уже на последнем курсе! Лучшие давно заняты в спектаклях Кирилла Стрежнева. Проблем нет.

– У ректора театрального института проблема, предлагаю другую – как обнять, объять всех мечтающих о сцене? Припомню, когда театр Вахтангова во время гастролей в Свердловске набирал студентов в свою «Шуку» (а стояли толпы!), то Михаил Ульянов дал совет в интервью по ТВ: «Бегите отсюда. Вы судите о театре по успешным судьбам. Гораздо больше – иных».

– Да, артист – профессия в наше жёсткое время странная. Женственная. Предполагающая кокетство, самовлюблённость. «Мужественные мужики» чувствуют себя в ней неудобно. Меж тем сейчас, как никогда, они востребованы: в кино надо уметь драться, скакать на лошади, мчаться в автомобиле... Во всём мире актёрство – профессия повешенного риска. Когда-то я недели две ездил по Англии – принимали в учебных заведениях, я смотрел каждый день спектакли, общался со студентами. Так вот: 80 процентов выпускников театральных школ (а там они на каждом шагу) работу не находят. Конкуренция мощная! Но это нормально. Идём в этот мир – будь готов к жёсткой конкуренции.

– А вы что пришли в этот мир? Не стыкуется: театр и ток-шоу первого разряда.

– Да нет, всё просто и логично. Папа был военным, мама до конца своих дней не умела читать и писать. Жили бедно, голодали, потому я и пошёл в девятый класс на завод. Вынужденно. По первой профессии я – токарь-инструментальщик. А потом стал журналистом: хочу быть журналистом.

– Кем-кем!

– Перебирая справочник для поступающих, выбирал профессиональным исключением. Физик? Не хочу. Дорожный инженер? Не хочу. А поскольку журналистика была делом неведомым, папа поехал из Тюмени в Свердловск, разузнать, что это за профессия.

На факультете ему сказали: журналистика – дело коммунистическое, и если мальчику всего 17 лет, у него нет публикаций в «Пионерской правде» или «Комсомолке» и он не активен в общественной жизни, то на журфак не возьмут: «А он любит книги?», – пытался заступиться отец. «Тогда – этапком ниже, на филологический». Тем более, там парней мало...

Так (смеётся) я и поступил на филфак УрГУ. А там увлекся английской драматургией. На третьем курсе прочёл свою первую лекцию...

– Будучи студентом?

– На своём же курсе! Преподаватель, зная, какие книги я читаю, предложила: «Будет те

Выпускной! 93 процента выпускников Театрального института работают по профессии. И всё же ректор переживает за судьбу каждого...

ма современной драматургии Англии. Ты её лучше знаешь...». Надо было читать полтора часа. У меня материал кончился через 20 минут! Как хохотали одноклассники...
– Фифак, драматургия Англии – конечно, теплее. Ближе к театру. И всё же...
– В 1984 году пошёл слух, что вместо театрального училища на Урале будет организован институт. Я вроде к этому и отношения никакого не имел. Прислушался в науке. Был заместителем декана филфака. Вдруг вызывают в обком. «Партия поручает вам...». Мол, доктор, без пяти минут профессор, сорока лет ещё нет. Стали давить на партийность. Я был смущён. И доверием, и тем, что ничего же нет для института. Зашёл в здание на Карла Либкнехта, где сейчас наш Учебный театр, – там гуляла сквозняки, пьянствовали последние выпускники училища. Всё надо было начинать с нуля. А я скорее теоретически знал, что такое театр, жары драматургии. Да, в 1981 году в Москву у меня вышла книга «Драматургия современной Англии». Но ни артисты, ни режиссёры здесь меня не знали. Мы были людьми из разных миров. Более того, отсюда в Москву поехала делегация театральных деятелей – протестовать против моего назначения. Много позе одна из участниц делегации, преподаватель из Питера, призналась: «Я и именем прикрывалась, доказывая – он не может быть ректором, он университетский человек. Книжки читает, а тут живой театральный процесс...»

(пауза)... Не думал, что всё будет так тяжело, я даже язву заработал. Но! Тогда было 12 студентов, сейчас – 600. Тогда – только студенты драмы, потом появились отделения музыкального театра, театра кукол, ведущих ТВ-программ, театроведы, которых прежде не было. Школе Николая Коляды нынче исполняется 20 лет.

– Уже двадцать?!

– Помню: пришёл тогда Николай, начинающий, но уже известный драматург, и сказал, что хочет воспитывать драматургов. Я молодой, Коля – вообще пацан. Всё было странно и ненадёжно. Да ещё нужна лицензия. Поколебался я и... поехал в Литературный институт имени Горького. Тогда писатели готовили только там. Приехал, а ректор Литинститута говорит: «Вот в этом доме, где бродят великие тени Ахматовой,

2001 г. Орден Почёта – из рук губернатора Эдуарда Росселя

Мандельштама, Платонова, мы не воспитали ни одного великого драматурга, а вы заманиваете... Ну да Бог с вами! Нахлебаться». И бумаги подписал: что как ректор Литинститута, годного вуза по этой профессии, просит отлицензировать специалиста. Оказался человеком здорового компромисса.
Сделали набор – и произошло чудо. Уже с первого выпуска – Олег Богаев, ныне главный редактор «Урала». А самый крутой выпускник – Вася Сигарев. Он был ещё студент, а ему уже вручили премию как лучшему молодому драматургу планеты – актриса Ванесса Редгрей и драматург Том Спотлард (кстати, он был у нас потом, вот в этом самом кабинете). Дали награду: какою-то статуэтку на подставке. Здесь Васю все спрашивают: покажи. А он, оказывается, разбил её. Ещё в Лондоне. Великое и смешное...

– Понимаю: к школе Коляды, литературному отделению ЕГТИ у вас особая сердечность, поскольку вы и сам человек пишущий. Но молодость к ирландской и английской драматургии, отчего в наше время, дающее полную свободу в выборе тем, героев, командировок, вы вернулись к тому, что ближе, – русской культуре?

– В пору моего студенчества русскую литературу преподавали с «советским налётом». Я никогда не был диссидентом, но неосознанно это претило. Если в романе изображён положительный рабочий – знаешь, хорошее произведение. А я читаю и вижу: малохудожественно.

Зато тогда же я прочёл ползапрещённых стихов Мандельштама (поэт Борис Марьев нелегально провёз из ГДР его томик, на русском и немецком, в кармане, подарил мне и сказал: «Смотри – КГБ бдит!»). Выжу – стихи великого поэта, а на курсе опять внушают: еврей, ненавидел СССР и Сталина, порочил советский строй...
Словом, о русской литературе я ничего писать не хотел. К счастью, на моём пути встретился профессор-единственный Канторевич: я консультировался у него по курсовой работе. Очень верящий в Россию, в миссию нашей страны. Но именно он приохотил меня к английскому языку, английской драме. Я бегал к нему на спецкурс в другой вуз! От него, считая, во мне сочетание западничества и нормального отношения к русской жизни, культуре, литературе. Но последнее, да, пришлось с годами.

– А сегодня двухтомник «Музы русской литературы»

Владимира Бабенко, можно сказать, – бестселлер отечественной биографической беллетристики...

– Хотя взялся-то я за тему по заказу: Москва замыслила издание «Любовь в жизни литераторов». Не сразу, честно говоря, созрело решение, как это сделать. Очерки или рассказы? Полухудожественно. Полудокументально. Первый рассказ был о Чехове и Книппер. Ну, вроде всё же известно. Чехов у нас – что Шекспир в Англии. Зацепился за то, что впервые была издана полная, в двух томах, их переписка. Без купюр. Включая и то, о чём прежде не принято было говорить. И всё-таки я размышлял: решиться на книгу или нет? А тут – командировка в Москву. Вечером сидел один, скучал. И вдруг по какому-то наитию, сбросив ужины, встал и поехал искать храм, где Чехов и Книппер венчались. Нашёл. Это неподалёку от Плющихи. Храм ещё был открыт. Я постою на том месте, где они венчались. Затем... пошёл читать переписку. И думаю: получится очерк – буду писать дальше. Написал страниц 40 и, перечитав, решил, что как минимум это не стыдно.

Следом пошли очерки о Гумилёве, Ахматовой, Мандельштаме, Рубцове... Чьего кого-то не пропустишь, стал читать сплошником всю русскую поэзию. Открыл для себя Даниила Андреева. Со своей «Розой мира» он оказался в руках мистиков-эзотериков. А он ведь настоящий поэт-лирик. Поэтессу Инну Лисянскую открыл. О ней до сих пор мало знают. Словом, какими-то маленькими открытиями я даже горжусь. У меня самого происходила коррекция взгляда на русскую литературу XX века.

– Похоже, не только на литературу. Я к тому, что вы одним из первых в российской литературе написали о некогда тоже запрещённом Александре Вертинском...

(В. Бабенко встает к шкафу, достаёт альбом из двух больших дисков с записями А. Вертинского.)
– Не знаю, найдёте ли вы где ещё такой. Повыбрасывали же весь «винил». Фирма «Мелодия», 1989 год. У нас с женой в то время не было даже, на чём проиграть эти пластинки. Я пошёл купить дешёвый проигрыватель «Рекорд». Жена даже ругала: «Ж покупай – так хороший. А ты выбрал самый занозанный». «Да ладно, – говорю, – крутится, и хорошо...»

Начал слушать. Слабенький голосочек, странные тексты. Помню, в гости пришёл доцент

университета, я и ему дал послушать. А он: «Вот был я в Большом театре. Слушал Анджапаридзе. Как запоёт – стены трясутся. А это что?!». А я уже понимал: гений! Захотелось написать о нём. Тем более близилось 100-летие Вертинского.

Сначала изучил всю общедоступную литературу. Понял: много легенд, домьслов. Легко было принять вымысел за правду и наоборот. Тогда я связался со вдовой Вертинского Лидией. Оказалось, незадолго до этого она сдала в Государственный архив литературы и искусства материалы, связанные с Александром Николаевичем. Видимо, то, что я ректор Театрального, пишу книгу, пришло во впечатленье. Она сказала: «Езжайте в архив. Директор – моя подруга. Вас пустят».

До сих пор люблю обстановку архивов, библиотек: тишина, документы, книги. Я просиживал в архиве в Химках часами. А как волновался, перебирая личные вещи актёра, который снимался в Голливуде, спал с Марлен Дитрих (у него есть песенка «Марлен» – «Вас нетрудно полюбить – нужно только храбрым быть...»), имел ресторан на Елисейских полях, а потом почему-то вернулся к Сталину, а Сталин его почему-то не расстрелял... Книгу писал строго по документам, без красивостей и легенд. В том числе и самого Вертинского «ловил» на том, что он прикинул, кокетничал. Ну, для артиста (смеётся) это, наверное, нормально...

– Ваша книга у меня есть (достаю её, принесённую для автографа). Но как неожиданно она мне досталась! Как-то вечером выхожу гулять с собакой, а во дворе на століке – стопка книг. В том числе и «Вертинский»... Скажите, что с нами происходит, что раньше мы собирали библиотеки, а теперь выбрасываем?

– Признаюсь, я в молодости даже подворывал книги (смеётся). По натуре-то я не вор и как ректор сплю спокойно, но книги... Как-то попали в библиотеку одного ДК, а там – книги, которые лет по 20 никто не открывал. К тому же завод не хотел содержать ни ДК, ни библиотеку...

Но это было свойственно людям моего поколения. Не было сотовых, Интернета. Ограниченные возможности коммуникации. Книги были для нас ценностью, способом общения – с автором, героями.

А теперь иные из наших студентов признаются: книг не читали. Только в электронном виде. Но здесь-то надо учить роль – по книге. С книжкой переночевать. Там иллюстрации. Она пахнет типографией. И молодёжь любит начинать понимать: книга – целый мир. Это как общение с человеком. Кто-то, к счастью, возвращается к книге. Но кто-то навсегда уходит в электронное чтение. Таких, увы, полно.

– В вашей книге «Бумеранг» собраны рассказы, пьесы, мемуары, афоризмы. Как вы многожанровый автор! А к какому жанру отнесли бы собственную судьбу?

– Драма со счастливым концом. После 16 лет живу в гармонии с собой. Серьёзно! Только на первом курсе учился плохо – с трудом привыкал к большому городу, мучился, влюблялся, голодал. А дальше и по сей час чувствую: я там, где и должен быть. Так и в семье. Мы поженились студентами, заканчивали университет – уже была дочь. Мыкались по углам, но при этом всегда чувствовали себя счастливыми.

– Почему же драма?

– Даже самый счастливый союз – всё равно драма. Надо идти на компромиссы, что-то в себе ломать. Без этого не будет счастливой семьи. В профессии – то же. Укоряешь себя, что ленив, что-то делаешь... Я очень люблю студентов. Когда читаю лекции – отдыхаю. От кабинета, ректорских забот. Читаю лекции и разглядываю их – кто с кем дружит, кто плохо спал. И всегда советую им: во-первых, перед экзаменом читать поспешно, в лихорадке не надо. Только заранее вычитайте литературу. И меня отдавать. Есть закономерность: если ты во что затрачиваешься – это и вознаграждается. Новой энергией. А есть энергия – есть счастье (улыбается). Вам ли, женщинам, этого не знать?!

ДОСЬЕ «ОГ»

Владимир Гаврилович БАБЕНКО
Родился 10 сентября 1946 г. в с. Нижняя Тавда Тюменской области. Трудовую жизнь начал в 1962 г. учеником токаря. 1963-1968 гг. – учёба на филологическом факультете УрГУ. 1969-70 гг. – служба в Советской Армии. 1970-1985 гг. – ассистент, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы УрГУ, заместитель декана филфака. С 1985 г. по настоящее время – ректор театрального института. Доктор филологических наук. Заслуженный деятель искусств РФ (1996). Награды – орден Почёта (2001 г.). Член Союза писателей России, Союза театральных деятелей России.

Автор документальных биографий А. Вертинского, Н. Евреинова, О. Табакова, книг «Прекрасный полуумный маркиз Донасен де Сад» (выдержала три издания, отмечена премией губернатора), «Гений и любовь», «Музы русской литературы» (награждена Всероссийской литературной премией им. Бажова).

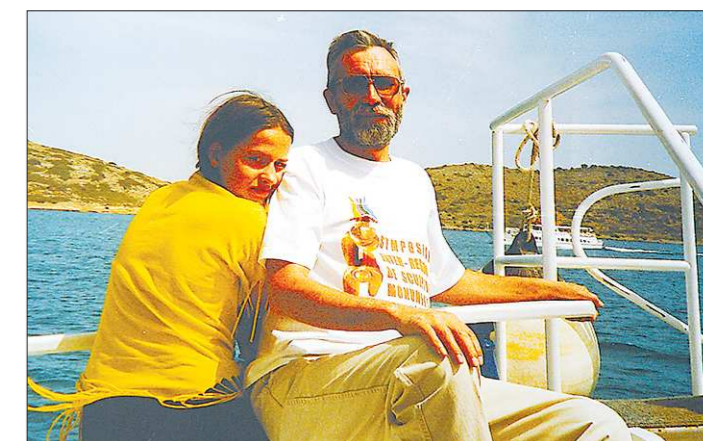
Жена – Людмила Григорьевна, профессор современного русского языка УрФУ. Дочь Екатерина – редактор Издательства Уральского университета. Сын Алексей – первый секретарь Посольства РФ в Бухаресте. Четверо внуков.

Дальневосточный военный округ. Российско-китайская граница. Батарея разведки. Из рядовых Владимир Бабенко был единственным с высшим образованием в этой элитной части

Блиц-опрос

– Что будете читать сегодня вечером?
– Раньше не издававшуюся книгу Хэмингуэй об охоте в Африке. Рукопись «откопал» его сын, уже сам глубокий старик. Начал читать – мне показались: это не лучший Хэмингуэй, но я как специалист решил дочитать её до конца.
– Поскольку вы сами – автор афоризмов, любите ли их?
– «Мысль рождается в руке». Пока не сел за стол и не начал писать, кажется: у тебя внутри ничего нет. Но сел, часа два промучился, рука что-то написала – всё пошло. Говорят: писатель должен творить каждый день – иначе мысль умрёт.
– Для отдыха что предпочтёте – театр, филармонию или книгу почитать?
– Предпочитаю вечером готовить. В семье так и говорят: «Дед готовил блюдо». Никто не знает, что получится. Я готовлю сразу мясо или рыбу и тут же много гарнира из овощей. Сам, может, мучиться не буду (не люблю тяжёлую пищу), но гарнир приправлю мясным соусом. Но! Накрывать не люблю. Украшение стола передоверяю жене.

С внучкой Машей, ныне студенткой межкафедральной. Теперь уже внуком внушить: «Прислушайтесь к себе: где и в чём ваш потенциал раскроется лучше всего...»

– Любимое время суток?
– С десяти до полпервого ночи. Старую всё забыть. Готовлю. Люблю крымские вина. Если на даче, то – сауна. В общем, время «распуститься».
– Место, где вы наиболее адекватны самому себе?
– На улице. В толпе. Что-то бормочу про себя или напевая. Прилюдно-то петь не рискну – у меня слух нет.
– Если надо выполнить нежелательную работу, то...
– Стараюсь сбросить её на других. Иначе заболлеваю. Я трус (смеётся): боюсь делать то, что не люблю.
– Как выходите из депрессии или усталости?
– Ложусь и долго лежу, глядя в потолок. Через полчаса надоедает, хочется встать и что-то делать.
– Книжки, к которым можете обращаться много раз?
– У меня Пушкин стоит везде, Шекспир. Перед выходом на работу прочитываете страничку – и несёшь в себе эти строки. ...Знаете, Хэмингуэй, сколько ни переиздавал, возил за собой один и те же 5-6 книг. Евангелие, Толстой, Джойс... Читал их лучшими творениями и перечитывал крошечными кусочками.
– Книжки пишите от руки?
– Только! Потом заставляю себя сесть за компьютер. Я в жизни не написал ни одной СМС-ки. Не хочется. Люблю живое общение.
– Часы – стимулирующий или раздражающий фактор?
– До 60-ти я их не замечал. Сейчас раздражают. Идут слишком быстро.

Германия. Университет в Гейдельберге. На футболе – начало культурного рассказа Кафки «Превращение»

Не помню, в тот же день или назавтра, но произошло чудо. Человек, которого я никогда не видел, позвонил мне вечером на сотовый: «Отбой. Я только что дал указание не трогать ваш институт. Успокойте коллектив. Работайте!»
– Что испугали?
– Просто удивились...
– Ну и выдержка у вас! Я слушаю – и то мурашки...
– Мурашки ещё будут. С «ликвидацией» всё, к счастью, закончилось. Звоню в Москву губернатора, подержалка интеллигенции, СМИ – всё вместе сыграло свою роль. Но 1 сентября вступает в силу закон «Об образовании в РФ». Будет новая проверка, новый мониторинг, новые вопросы. Например – связь вуза